10. *Jurkewicz, J.* Rozwoj polskiej myśli politycznej na Litwie i Białorusi w latach 1905–1922 / J. Jurkewicz – Poznań: UAM, 1983. – 285 s.
11. KL. – 1907. – 8/21 III. – № 54.
12. *Maliszewski, E.* Polacy i polskosc na Litwie i Rusi / E. Maliszewski // Kalendarz «Gonca». – Warszawa, 1914. – 30 s.
13. *Korwin-Milewski, H.* Siedemdziesiąt lat wspomnień 1855-1925 / H. Korwin-Milewski. – Poznań: Wyd-wo Polskie R. Wegner, 1930. – 215 s.
14. *Krzywicki, L.* Wspomnienia / L. Krzywicki – Warszawa: PWN, 1958. – T. II. – 126 s.
15. *Kubicki, P.* Okolnik b-pa Zwierowicza / P. Kubicki // *Bojownicy kapłani za sprawę kościoła i ojczyzny w II. 1861–1915. – Sandjmirz, 1936–1938. – Cz. II. – T. I. – S. 903–920.*
16. *Литвинёнок, P.* Польское общественно-политическое движение в Литве и Белоруси. Характеристика и анализ на рубеже XIX–XX вв. / P. Литвинёнок. – Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2013. – 193 с.

(Дата подачи: 20.02. 2017 г.)

A. A. Любая

Республиканский институт высшей школы, Минск

A. Liubaya

National Institute for Higher Education, Minsk

УДК 930

**В ПОИСКАХ СВОЕЙ АНТИЧНОСТИ: ЭВОЛЮЦИЯ
ВОСПРИЯТИЯ «РИМСКОЙ ЛЕГЕНДЫ»
О ПРОИСХОЖДЕНИИ ЛИТВИНОВ В КОНТЕКСТЕ
ЗАРОЖДЕНИЯ РАННЕМОДЕРНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ
В ВЕЛИКОМ КНЯЖЕСТВЕ ЛИТОВСКОМ (XV–XVI ВЕКА)**

**IN SEARCH OF ITS ANTIQUE: THE EVOLUTION OF THE
PERCEPTION OF «ROMAN LEGEND» OF THE LITVINS'
ORIGIN IN THE CONTEXT OF EARLY MODERN IDENTITY
THE GRAND DUCHY OF LITHUANIA (XV–XVI CENTURY)**

Статья посвящена проблеме формирования раннемодерной идентичности в Великом Княжестве Литовском. Автор считает, что истоки этого явления следует искать в творчестве польских и итальянских гуманистов. Последующее воспроизводство Римской легенды в белорусском летописании в начале XVI века отражает типично средневековое мировосприятие.

Ключевые слова: раннемодерная идентичность; «римская легенда»; летописи и хроники.

The article is devoted to the problem of the formation of early-modern identity in the Grand Duchy of Lithuania. The author believes that the origins of this phenomenon should be sought in the work of the Polish and Italian humanists. The next reproduction of the Roman legend in the Belarusian chronicle at the beginning of the 16th century reflects a typical medieval world view.

Key words: early modern identity; «Roman legends»; annals and chronicles.

Проблема возникновения и целевого назначения «римской легенды» о происхождении литвинской шляхты неоднократно обсуждалась в исторической литературе начиная с середины XX века. Особенно эти дискуссии обострились с образованием современных независимых республик – Литвы и Беларуси – на фоне «историографической борьбы» за политическое и культурное наследие Великого Княжества Литовского. Но чаще всего эта проблема рассматривалась статично. Историки предполагали, будто бы с самого начала в «римскую легенду» была заложена определенная «программа» (например, отделить себя от сарматов, защитить династию Ягеллонов от слухов о низком происхождении и т. д.). И, по их мнению, эта программа оставалась как бы неизменной в разных памятниках, в которых она использовалась с совершенно разными целями и в разные исторические эпохи. Но в текстах смысловое наполнение легенды менялось в зависимости от политических взглядов и культурных предпочтений того или иного автора.

Вопрос об историческом содержании «римской легенды» поднимался уже авторами нового времени. Например, Матей Стрийковский на основании созвучия имен Палемона и сенатора Публия Либона, упоминаемого Ливием, делает вывод об их тождественности. В настоящее время историки склонны считать, что историческим прототипом легендарного предводителя римлян, бжавшего в Литву, мог стать босфорский царь Полемон II. Однако в современных условиях поиск «истинных» исторических корней «римской легенды» является вторичной проблемой. Важнее понять, почему авторы, которые конструировали легендарную историю Великого Княжества Литовского, остановились на этих исторических основаниях, а не на каких-то других. Стоит задаться вопросом, почему в разных произведениях «исход» части римлян в северные края происходит в разное время? Отражает ли античный исторический контекст, в который помещалась легенда, некий неочевидный сейчас смысл, который авторы нового времени стремились передать своим читателям? И можно ли на основе подобного материала понять, когда «римская легенда» становится настоящим этногенетическим мифом, а не просто мифологической частью династических или родовых генеалогий.

Впервые «римская легенда» появляется в польской хронике Яна Длугоша. Обычно белорусские и литовские историки отмечают этот факт, но не придают ему большого значения (исключение составляет только исследование польского историка Яна Юркевича, в котором приводится анализ этапного развития римской легенды на страницах хроники Яна Длугоша (подробнее см.: [12, с. 27–38]). Концепция, изложенная Яном Длугошем, утопает в тени вторичной версии белорусско-литовских летописей и «задумки написать новую историю Великого Княжества Литовского, так как предыдущая [...] не удовлетворяла руководящие круги этого государства» [1, с. 38]. На наш взгляд, такой подход к первоначальному этапу развития легенды является необоснованным по двум причинам. Во-первых, на стра-

ницах хроники Яна Длугоша мы можем наблюдать крайне редкое явление: как легенда зарождается и эволюционирует. Это позволяет лучше понять ее последующее бытование в письменной культуре Великого Княжества Литовского. Во-вторых, уже в хронике Яна Длугоша легенда получает все основные типологические черты, которые белорусско-литовские летописцы только развили.

Появление «римской легенды» именно в хронике Яна Длугоша, на первый взгляд, кажется парадоксальным фактом. Ни у кого не вызывает сомнений, что польский хронист негативно относился к литвинам. Внимательное прочтение текста его хроники позволяет утверждать, что причина его неприязни лежит в области космографии. Литвины были варварским племенем, не заслуживающим большого внимания и неизвестным истории. Он прямо об этом рассуждает, когда пишет о первом известии о литвинах под 1205 годом: «*Tum quoque primum Lithwanice gentis nomen, quod in eum latebat diem, auditum*» [8, с. 198]. И даже тогда, когда пытается вписать их во всемирную историю, посветив этому отдельный параграф своей работы, он не может до конца решить проблему их неисторичности, потому что этому нет никаких исторических свидетельств «*cum id nemo scriptorium reliquerit, qualiter, quomodo et quando gens Lithwanica et Samagittica in has, quas modo incolit, septemtrionales regions venerit*» [9, с. 164]. Более того, литвины настолько не интересны Длугошу, что в первых шести томах своего труда, посвященных истории до 1240 года (то есть фактически до времени основания государства Миндовга), они фигурируют всего около десяти раз, причем всегда на втором плане: то являясь прообразом библейских филистимлян, свидетельствующих силу гнева Господня, как в истории с похищенным древом святого креста, то выступая убогими данниками русских князей, а то и вовсе для риторической фигуры, обобщающей все балтские племена [11, с. 260–323]. Возникает вполне закономерный вопрос: зачем Яну Длугошу понадобилось «вводить» литвинов в контекст всемирной истории?

Чтобы ответить на этот вопрос, стоит обратить внимание на то, когда и в какой части своей хроники он это делает. К проблеме происхождения литвинов, по сути, он обращается трижды. Первый раз – в статье под 997 годом, когда пишет о происхождении прусов. Эта часть текста весьма путанная. Сначала Ян Длугош утверждает, что прусов, жмудинов и литвинов объединяет общность обычаев, языка и происхождения. В его версии все они бежали от гражданских войн, разгоревшихся между Цезарем и Помпеем, имения свои основали среди пущ и пустошей и построили себе столицу по образу Рима – город Ромова [10, с. 285–286]. Сразу же за этим он заявляет об особом происхождении прусов, отличном от происхождения литвинов и сарматов (*sed Prutenis alia fertur fuisse quam Liythwanis et Samagittis origo*), и в подтверждение своих слов приводит историю о короле Битинии. Таким образом, Ян Длугош очень грубо пытается соединить легенду об основании главного города прусов, о которой он писал раньше, с «римской легендой»

о происхождении литвинов, которую он поместит как самостоятельный сюжет только в десятой книге своей хроники.

К вопросу о происхождении литвинов в этой части своего труда автор обращается дважды в соседних разделах в контексте событий 1387 года. В начале он неуверенно пишет о том, что литвины происходят от каких-то племен латинского наименования, переселившихся на север Европы в период гражданских войн между Сулой и Марием, а потом – между Цезарем и Помпеем, а затем и их потомками [9, с. 215]. А уже в следующем параграфе уверенно утверждает, что литвины – это изгнанники, ярые сторонники Помпея, которые после его поражения под Фарсалом и смерти были вынуждены спасаться бегством [9, с. 218].

Через такой сложный мировоззренческий переворот, следы которого очевидны в тексте хроники (от племени, неизвестного миру, до ближайших соратников, а возможно, и родственников Помпея, пришлось пройти Яну Длугошу вовсе не ради литвинов как народа. Этот экскурс о происхождении, нравах и религии литвинов, а также основании их столицы Длугош помещает в статье 1387 года. Хотя логичнее было бы это сделать в более ранних статьях. Например, под 1205 годом, когда, по его мнению, впервые стало известно о их существовании. Или более подробно остановиться на этом вопросе в статье 997 года, где он писал о происхождении пруссов и родственных им племен. Но в статье 1387 года он описывает крещение новым польским королем литвинов и основании им новой католической епархии. Единственный исторический персонаж, который упоминается в этих разделах, – Альгерд, «*filius Gedemini, magnus dux Lithwanie et Wladislai Polonie regis*» [9, с. 217]. По сути, Ян Длугош вовсе не пытается создать этногенетический миф, а только оправдать появление «варварской» династии на польском троне. Поэтому неконкретной и неподтвержденной авторитетными свидетельствами версии о римском происхождении литвинов было явно недостаточно. Ему была известна версия о низком происхождении Гедимины, а также об узурпации им власти в Великом Княжестве Литовском. Возможно, эти слухи инспирировались рыцарями Тевтонского ордена. Незаконный источник власти Владислава Ягайлы как великого князя подрывал авторитет польской государственности. В этом контексте рассказ о происхождении литвинов, записанный под 997 годом, хотя и вторичен по отношению к этому же сюжету из десятой книги, но крайне важен для концепции Яна Длугоша в целом.

В Центральную и Восточную Европу, которая поздно оказалась в орбите западноевропейской культуры, импульс к созданию легендарных исторических представлений пришел извне. Пруссы в этом отношении не были исключением. Их этногенетическую легенду практически одновременно с «римской» легендой о происхождении литвинов создали два немецких гуманиста – Эразм Стелла (Erasmus Stella) и Симон Грюнау (Sinom Grunau) [13, с. 239–242]. Но «римские» сюжеты в истории пруссов и раньше возни-

кали в немецких хрониках. Например, Пётр из Дусбурга в своей «Хронике Прусской земли» (*Chronicon Terrae Prussiae*) пишет о святилище пруссов и литвинов: «Было же [...] одно место, называемое Ромов, ведущее название свое от Рима, в котором жил некто по имени Криве, кого они почитали, как папу, ибо как господин папа правит вселенской церковью христиан, так и по его воле или повелению управлялись не только вышеупомянутые язычники, но и литвины и прочие народы земли Ливонской» [6]. Практически так же о Ромове пишет и Ян Длугош: как об общем святилище пруссов, литвинов и жмудинов, которые почитают тех же богов, обычаи и праздники и которых роднит общность языка и происхождения. Именно «римские» корни пруссов, заимствование из немецкого историописания дали Яну Длугошу основания для претензий на «патрицианское» происхождение литвинов, а значит, и династии Ягеллонов.

Проблема происхождения литвинов широко обсуждалась в интеллектуальных кругах того времени. В 1517 году Матей из Мехова издает в своем географическом трактате практически полностью повторенную версию Яна Длугоша [3]. Итальянский гуманист Филипп Буонакорси около 1480 года составил жизнеописание кардинала Збигнева Олесницкого, в котором значительную часть посвятил тому, «что говорят на эту тему» [12, с. 42]. Он не был согласен с аргументами Яна Длугоша и предлагал две альтернативные версии. Первая – о происхождении литвинов от галлов, часть из которых со своим вождем Лемониусом двинулась в сторону Северного океана. Она не получила дальнейшего развития в литературных памятниках. Вторая – о происхождении литвинов от загадочных боспорян. Как отметил польский исследователь Ян Юркевич, Филипп Буонакорси навряд ли имел в виду жителей Боспорского царства [12, с. 44]. Его описание нравов и обычаев боспорян больше соответствует каким-то кочевникам и не имеет отношения к античной истории. Но, вероятнее всего, именно эта версия послужила основой для развития «римской» легенды в белорусско-литовском летописании.

К 20-м гг. XVI в., когда «римская» легенда попадает в белорусско-литовские летописи, она представляет собой вполне сконструированный сюжет, который не имеет ничего общего с собственными легендами литвинов о своем происхождении и родоначальнике. По мнению Николая Улашика, первоначальная версия о «римской легенде» содержала сообщение о бегстве 500 семей римской знати (шляхты или рыцарей), плавании их по морям, прибытии к устью Немана, колонизации Литвы и Жмуди, то есть сосредотачивается на истории исключительно Литвы [7, с. 134]. Он же предположил, что создатель летописной версии легенды стремился подчеркнуть выдающееся положение в истории Великого Княжества Литовского только представителей родов Гаштольдов и Гольшанских. Он выдвинул версию, что заказчиком текста являлся Станислав Гаштольд (1507? – 1542?), сын Альбрехта Гаштольда, канцлера Великого Княжества Литовского [7, с. 162]. Этот род, добившись в начале XVI века завидного политического

положения, не мог похвастаться ни древностью генеалогического древа, как потомки Рюриковичей, ни монаршим достоинством, как потомки Гедиминовичей. По этому для них было важно связать себя с правящей династией посредством конструирования общей генеалогии. Более того, именно в семье Гаштольдов могла бытовать версия о «боспорском» происхождении, поскольку Филипп Буонакорси имел приятельские отношения с дядей Альбрехта Гаштольда Юрием Яновичем [12, с. 46].

Если принять версию о том, что летописцу, работавшему по заказу князей Гаштольдов, были известны аргументы как Яна Длугоша, так и Филиппа Буонакорси, то необходимо констатировать, что он сам практически ничего не придумывал в отношении античного прошлого.

Та средневековая древнерусская традиция, в которой работали белорусско-литовские летописцы в начале XVI века, не предусматривает индивидуального творчества. Авторы летописей пытались соединить в цельное произведение сведения разных источников и дополнить незаполненные промежутки, пользуясь имеющимися шаблонами (подробнее см.: [5]). В этом отношении работа и образ мышления летописцев и гуманистов середины XVI века принципиально отличаются. Обнаружив разночтения в источниках, Матей Стрийковский сопоставляет легенду по всем известным ему «летописцам литовским, русским и жмудским». А затем он специально продельывает путь из Балтийского моря в Неман, «желая на собственном опыте испытать правдивость рассказа литовских летописцев о прибытии в Литву итальянцев с Палемоном» [4, с. 126–127]. Это путешествие окончательно убедило его в подлинности летописной легенды.

Поскольку летописцу было необходимо создать стройную генеалогию, он должен был решить две задачи. Во-первых, сделать скупой материал непротиворечивым. Во-вторых, найти первопредка, от которого можно начинать родовую историю. Приняв сам факт побега из Италии, хронист попытался найти подобного героя в истории Боспорского царства, согласовав таким образом обе версии. Наиболее подходящим для этого казался последний понтийский царь Полемон II. Поэтому переселение римских рыцарей ему пришлось отложить со времени Помпея на время правления Нейрона, чьими современниками являлись царь Полемон II и легендарный Палемон. К сожалению, наши представления о частных и монастырских библиотеках того времени, как каналах проникновения новых идей не позволяют нам даже предположить, какое именно историческое произведение послужило основой подобной трансформации.

Интересно, что фигура предводителя римлян, от имени которого произошло название города Вильно, появляется еще на страницах хроники Яна Длугоша [9, с. 219]. Но в силу того, что белорусско-литовские летописи иначе трактовали историю об основании столицы, а возможно, из-за невозможности отыскать прототип князя Вилия в источниках, эта часть повествования переносится на второе поколение Палемоновичей. Таким образом, на

страницах летописи появляются князь Борк, основатель Юрборка, который «вчынил город на рецэ Юре, и зложоно имя того княжати поспол з рекою»; Кунос, основавший город в устье Немана, и «назвал его именем своим Куносов город»; а также Спэра, который озеро «именем своим назвал Спэра» [1, с. 225].

Отдельного упоминания заслуживает версия о переселении Палемона и его соратников из Венеции в Литву во времена Аттилы. В такой интерпретации римская легенда содержалась в Хронике Великого Княжества Литовского, Жемойтского и Русского (Хронике Быховца) и близкой ей т. н. Берестовитской летописи, не сохранившейся до наших дней, но известной Матею Стрийковскому. В этих текстах повествованию о путешествии «римской шляхты» предшествует пространный рассказ о «зверствах учиненных [Аттилой] над народом христианским» [1, с. 112–113]. Предыдущие исследователи рассматривали эту версию в основном в контексте проблемы датировки текстов третьего летописного свода.

Только Ян Юркевич сделал предположение о том, что авторам Хроники Быховца было необходимо связать миграции «римлян» на Литву с нападением Аттилы, чтобы сделать правдоподобным древнюю историю литвинов, так как второй летописный свод растягивал считанные поколения литвинских князей на двенадцать веков [12, с. 63–64]. Остальные исследователи обычно обходятся общими рассуждениями о том, что в Средние века и раннее Новое время легенды об Аттиле были очень распространены, и летописная версия, известная из Хроники Стрийковского, могла возникнуть на основе подобных «псевдоисторических романов» [12, с. 63]. Действительно, можно предположить, что подобные легенды были распространены на территории Великого Княжества Литовского. Интересно, что в 1479 году Филипп Буонакорси опубликовал свою версию истории Аттилы, а в 1529 г. Альбрехт Гаштольд, возмущенный реформой судебной системы в Великом Княжестве Литовском, апеллировал к древности обычаев и права литвинов, которые со времен короля Аттилы позволяли сохранять и расширять границы государства [12, с. 82]. В то же время обращает на себя внимание христианский контекст рассказа об Аттиле из третьего свода. Например, сюжет о мученической смерти от рук Аттилы одиннадцати тысяч девиц и отдельный пассаж о том, что после завоевания Венгерского королевства он «ни в чем не изменился, но ещё больше врагом стал христианам» [1, с. 112–113]. Складывается впечатление, что автор летописного текста пытается замаскировать языческое прошлое литвинов, которое было общим местом ранних версий, объединив судьбу римских изгнанников со страданиями христианского мира, потерпевшего от «Аттилы, бича Божьего».

Таким образом, античная часть римской легенды, изложенная в белорусско-литовском летописании, не претерпела существенных концептуальных изменений в XVI веке, в сравнении с первоначальной версией, созданной в кругу краковских гуманистов. Разночтения, связанные с перемещением «ис-

хода» римлян в Литву во времени, можно объяснить попыткой летописцев создать непротиворечивый, с их точки зрения, текст. С определенной тяжестью на это мог бы претендовать сюжет о бегстве «римлян-венецианцев» от Аттилы. Но он не получил дальнейшего распространения в письменных памятниках. Версия легенды из белорусско-литовских летописей XVI века создавалась с определенной целью – связать генеалогию неаристократических родов Гаштольдов и Гольшанских с генеалогией Ягеллонов. В ней нет ничего, что бы свидетельствовало о становлении некоего нового воображаемого сообщества, которое мы могли бы связать с раннемодерной нацией.

Восприятие «римской легенды» изменилось кардинальным образом в середине XVI века. В этот период Великое Княжество Литовское сталкивается с феноменом «импортированного гуманизма», когда большинство интеллектуалов, создававших культурное пространство, являлись иноземцами, преимущественно поляками и итальянцами. Благодаря этому в Великом Княжестве Литовском начало формироваться представление о нации как о воображаемом сообществе людей, связанных во времени и пространстве узами солидарности. Первая целостная концепция истории Великого Княжества Литовского была представлена Матеем Стрийковским в «Хронике польской, литовской, жемойской и всей Руси». Он очень внимательно отнёсся к «римской легенде»: собрал доступные ему источники, в частности, около пятнадцати белорусско-литовских летописей, проанализировал их информацию с точки зрения исторической вероятности, попытался найти исторических прототип Палемона (в его версии им мог быть римский сенатор Публий Либон) и даже на собственном опыте убедился в возможности путешествия по Неману, совершенного Палемоном и его соратниками [4, с. 123–127].

Но проблема происхождения литвинов как нации решается у него за рамками «римской легенды». В первую очередь за счет тех племен, которые проживали тут во времена Птолемея – кимбров, готов, гепидов, аланов. Династическая версия краковских гуманистов и генеалогическая магнатская версия белорусско-литовских летописей вообще не уделяли внимания проблемами заселения Великого Княжества Литовского в «доримский период». Таким образом, в этом кругу текстов потомки Палемона не становились литвинами, так как литвины всегда оставались римлянами.

Но в середине XVI века такие конструкты уже не устраивали интеллектуалов. Августин Ратундус в «Панегирике Алельковичам» противопоставляет реальную генеалогию этого рода «римской легенде» и доказывает превосходство Алельковичей над потомками «Катонов». Шляхетское видение легенды, изложенное Михалоном Литвином, деперсонифицирует «римских» предков, сжимая их до общей массы воинов Цезаря, среди которых нет более или менее достойных – прообраз шляхетской демократии [2, с. 86]. Необходимо отметить, что у Михалона Литвина вообще присутствует высокая степень деперсонификации исторического нарратива. Например,

при описании походов на Москву вообще не называются имена правителей, которые их совершали, что совершенно невозможно с династической точки зрения. Не названы по имени и герои Хойницкой битвы. Автор только отмечает, что Казимир был окружен «воинами нашего народа», то есть он выступает от имени сообщества литвинов [2, с. 86]. Этот народ уже воспринимается как единое целое, стоящее над региональными и этническими особенностями Литвы и Руси как составных частей Великого Княжества Литовского. В полемическом произведении «Розмова Поляка с Литвином», которое, скорее всего, было написано Августином Ротундусом, в качестве наилучших всего шляхетского сословия Великого Княжества Литовского названы два русина – Константин Острожский и Остафий Дашкович [14, с. 30], а также подчеркивается, что Русь добровольно подчинилась Литве [14, с. 68]. Даже в плане исторического нарратива история Руси включается в историю Литвы. Тот же Матей Стрийковский специально подчеркивал, что если бы он опустил историю Руси, то литвин бы не знал порядок своей истории и кто за кем шел [15, с. 96].

Список использованных источников

1. Летапісы і хронікі Вялікага Княства Літоўскага (XV–XVII стст.) – Мінск: Беларуская навука, 2015. – 479 с.
2. *Литвин, М.* О нравах татар, литовцев и москвитян / М. Литвин; пер. В. И. Матузовой; вступ. ст. М. В. Дмитриева; коммент. С. В. Думина [и др.]. – М.: Изд. Моск. ун-та, 1994. – 149 с.
3. *Меховский, М.* Трактат о двух Сарматиях [Электронный ресурс] / М. Меховский. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Mehovskij/pred.phtml?id=1763>. – Дата доступа: 01.12.2016.
4. *Рогов, А. И.* Русско-польские культурные связи в эпоху Возрождения / А. И. Рогов. – М.: Наука, 1966. – 311 с.
5. *Толочко, А.* «История Российской» Василия Татищева / А. Толочко. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 544 с.
6. Петр из Дусбурга. Хроника земли Прусской [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://drevlit.ru/texts/p/petr_dus_31.php. – Дата доступа: 01.12.2016.
7. *Улащик, Н. Н.* Введение в изучение белорусско-литовского летописания / Н. Н. Улащик. – М.: Наука, 1985. – 261 с.
8. Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. – Lib. 5–6. – Varsaviae: PWN, 1973. – 441 s.
9. Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. – Lib. 10. – Varsaviae: PWN, 1985. – 443 s.
10. Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego. – Ks. 1–2 (do 1039). – Warszawa: PWN, 2009. – 448 s.
11. Jana Długosza Roczniki czyli Kroniki sławnego Królestwa Polskiego. – Ks. 3–4 (1039–1139). – Warszawa: PWN, 2009. – 443 s.
12. *Jurkiewicz, J.* Od Palemona do Giedymina. Wczesnonowożytne wyobrażenia o początkach Litwy / J. Jurkiewicz. Cz. 1: W kręgu latopisów litewskich. – Poznań: UAM, 2013. – 325 s.
13. *Friedrich, K.* Inne Prusy. Prusy Krolewskie i Polska między wolnością a wolnościami 1569–1772 / K. Friedrich. – Poznań, 2005. – 400 s.

14. Rozmowa Polaka z Litwinem / Wyd. J. Korzeniowski. – Kraków: UJ, 1890. – VIII, 91 s.

15. *Strykowski, M.* О początkach, wywodach, dzielnościach, sprawach rycerskich i domowych sławnego narodu litewskiego, żemojdzkiego i ruskiego / M. Strykowski; oprac. J. Radziszewska. – Warszawa: PIW, 1978. – 764 s.

(Дата подачі: 20.02.2017 г.)

A. У. Любы

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт, Мінск

A. Liuby

Belarusian State University, Minsk

УДК 94(4)«19-20»

«JAGELLONUM UNIVERSUM» ОСКАРА ХАЛЕЦКАГА І ЯГО ЎПЛЫЎ НА ГІСТАРЫЯГРАФІЮ КАНЦА ХХ – ПАЧАТКУ ХХІ СТАГОДДЗЯ

«JAGELLONUM UNIVERSUM» BY OSCAR HALECKI AND HIS INFLUENCE ON THE HISTORIOGRAPHY IN THE END OF THE XX – THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

У артыкуле аўтар звяртае ўвагу на фарміраванне зацікаўленасці да гісторыі дынастыі Ягелонаў у польскай гістарыяграфіі 1910–1930-х гг., а таксама на канструаванне канцэпцый у нацыянальных навуковых школах. Вылучае асноўныя кірункі ў вывучэнні перыяду кіравання дынастыі Ягелонаў у Вялікім Княстве Літоўскім у гістарыяграфіі выбітнага спецыяліста Оскара Халецкага. Аўтар робіць высновы пра аднаўленне цікавасці да Ягелонаў у гісторыі Вялікага Княства Літоўскага ў 1990-я гг. у гістарыяграфіях рэгіёна Цэнтральнай і Усходняй Еўропы менавіта дзякуючы працам О. Халецкага, аднак яго погляды значна адрозніваюцца ад гэтых канцэпцый.

Ключавыя словы: Оскар Халецкі; гістарыяграфія Цэнтральнай і Усходняй Еўропы; Вялікае Княства Літоўскае; Ягелоніка.

The author in the article draws attention to the formation of interest in the Jagiellonian dynasty in the Polish historiography of the 1910-30s, as well as the traditions construction by national scientific schools. It identifies the main directions in the study of the Jagiellonian dynasty period the in the Grand Duchy of Lithuania in the heritage by Oscar Halecki. The author comes to the conclusion about the return of interest to the Jagiellons in the history of the Grand Duchy of Lithuania in the 1990s in the historiographies of the Central and Eastern Europe, precisely because of the reassessment of the works of O. Halecki, but his views was completely different.

Key words: Oskar Halecki; Historiography of Central and Eastern Europe; Grand Duchy of Lithuania; Jagiellonica.

Асоба прафесара Оскара Халецкага як даследчыка Цэнтральнай і Усходняй Еўропы вядомая шырока па-за межамі самога рэгіёна. Яго ідэі накіраваны на асобнай ролі нашага еўрапейскага рэгіёна фарміравалі ментальныя межы